

Валерий Панюшкин

СПЕЦИАЛЬНО
для российского фонда помощи

Неотъемлемый орган

Международная конвенция о правах ребенка гласит: ребенок не может быть разлучен со своими родителями, разве только если родители лишены родительских прав по решению суда. Никто никогда ни на каком основании не может запретить родителям и детям быть вместе. Тогда почему, спрашивается, родителям и детям запрещено быть вместе в детской реанимации? Кто придумал эти правила? Какие соображения гигиены могут быть выше соображений любви?

Десять лет назад, когда родился мой старший сын, меня не пустили даже и на порог родильного дома. Как-то само собой разумеется, что присутствие отца на родах непременно будет угрожать правилам асептики и антисептики, что отец непременно станет (посредством флирта, что ли?) отвлекать роженицу от главного ее занятия рожать, что на одежде будущего папы обязательно будет занесен в родильный зал злобный стафилококк и что при виде крови, пуповины или, не дай бог, плаценты молодой папаша обязательно рухнет в обморок и придется акушеркам не только принимать роды, но еще и откачивать мужчину, проявившего излишнее любопытство.

Семь лет назад, когда родилась моя младшая дочь, меня, наоборот, пригласили в родильный зал, мне выдали чистый халат и бахилы, я видел, как рождается мой второй ребенок с самых первых схваток и до последней потуги. Я держал жену за руку, и я был первым человеком, кроме акушерки, который взял ребенка в руки.

Оказалось, что все строгие правила, придуманные для родильных домов заботливым Министерством здравоохранения, суть не что иное, как условность, которую можно преодолеть всего лишь тем, что в роддоме для отца, желающего присутствовать на родах, припасены чистые бахилы и халат. Попробуйте угадать, кстати, который из двух моих детей покинул родильный дом со стафилококком? Разумеется, старший сын.

Слава тебе господи, мои дети никогда не попадали в реанимацию и никогда не подвергались интенсивной терапии. Но по роду своей работы я в детских реанимациях бывал неоднократно и берусь утверждать, что медицинские учреждения устроены на принципиально ложных и негуманных основаниях.

Начать хотя бы с того, что меня, журналиста, в детскую реанимацию пускают, в то время как родители больных (если не сказать умирающих) детей принуждены ждать под дверью. Письмо из редакции («Иванову врачу такому-то... просим вас оказать содействие в написании материала...») удивительным образом оказывается весомее родственных связей, любви и прав, которые связывают больного ребенка и его родителей. Журналист имеет право войти в детскую реанимацию, а мать — нет. Сестричка с соседнего отделения имеет право войти в реанимацию, просто чтобы поболтать с реанимационной сестрой, а мать — нет. Самый последний слесарь, если надо починить кислородную установку, имеет право войти в детскую реанимацию, а мать — нет.

У меня десятки свидетельств. Родители детей, перенесших (и не перенесших) реанимацию, говорят в один голос: было ужасно, было невыносимо, было чудовищно для матери и для ребенка то, что к ребенку в реанимацию не пускали. Вот мать стояла под дверью реанимационного отделения и слышала, как дочь ее из-за двери кричала: «Мама, помоги!» И не разнесла дверь, и не перегрызла горло врачу, не пускаящему ее в реанимацию, потому что боялась (вниманию!), что врач обидится и не будет применять к ее девочке необходимых реанимационных действий. Вот ребенок рассказывает, что мама, провавшись к нему в отделение на пару минут, принесла для поддержания духа любимую игрушку, а доктор, как только мама ушла, и игрушку отнял и бросил на пол. Вопрос: игрушка мешала стерильности? Другой вопрос: игрушку нельзя было простерилизовать? Почему бинт простерилизовать можно, а плюшевого медвежонка нельзя?

Реаниматологи приводят контраргументы. По словам реаниматологов, родителей нельзя пускать в реанимацию, потому что, увидев родителей, дети слишком сильно радуются, а расставаясь с родителями, дети слишком сильно плачут. Почему-то никому не приходит в голову вообще не различать родителей с детьми ни днем, ни ночью, тогда и не будет ни слишком сильного восторга встреч, ни слишком отчаянной горечи расставаний, а будет только поддержка, любовь и внимание, которых (никто не станет отрицать) в реанимации больному не бывает много.

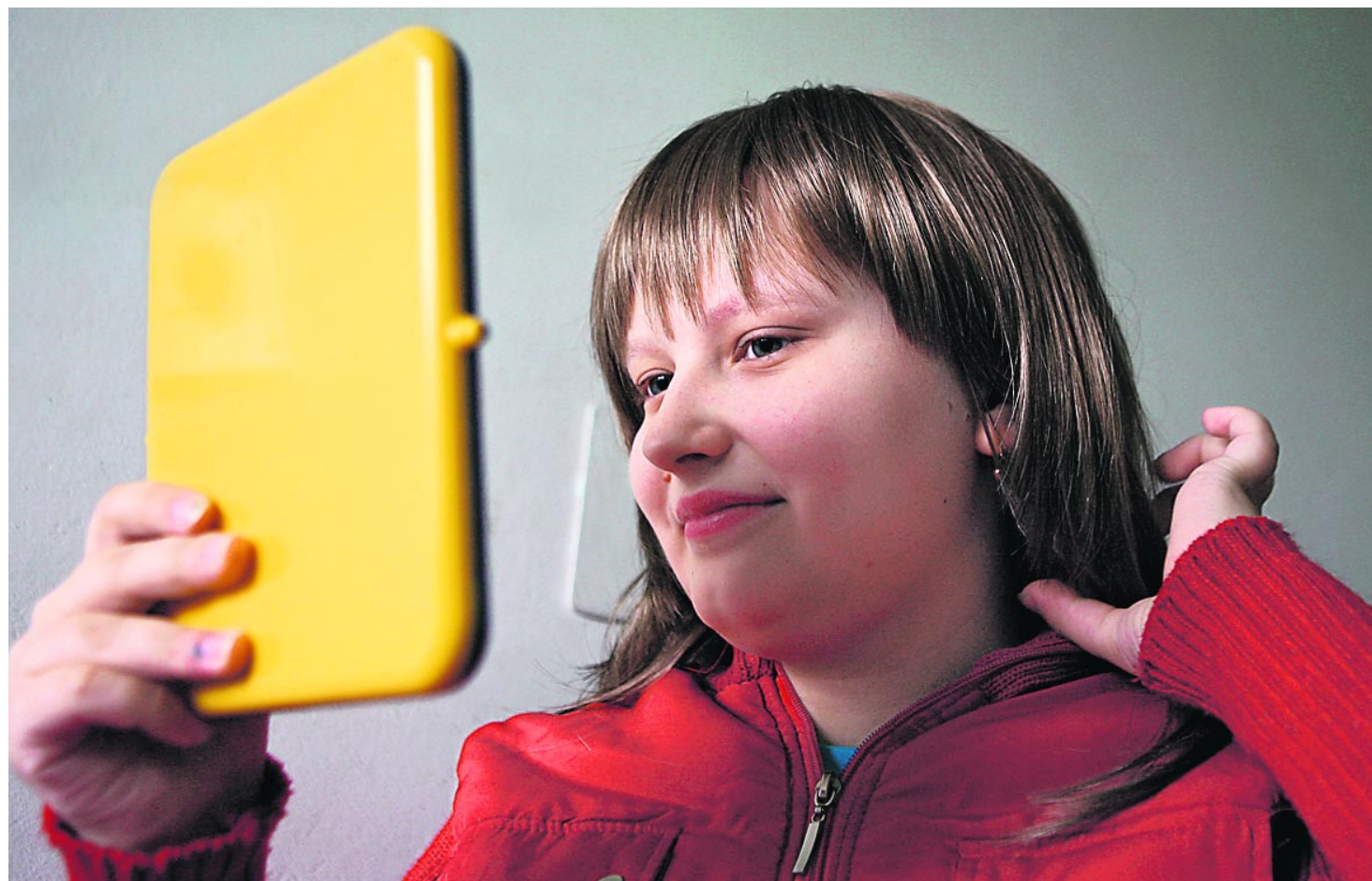
Реаниматологи говорят, что интенсивная терапия — слишком сильное для нервной мамы зрелище. Редкая, уверяют реаниматологи, женщина способна без содрогания смотреть, как ее ребенка интубируют. Ну так, по моему, пусть смотрит на интубацию содроганием, а от слишком сильных содроганий надо дать матери седативных препаратов и поспать пять минут, чтобы объяснить, зачем ее ребенку в горло засовывают металлическую палку и как устроена искусственная вентиляция легких.

Реаниматологи говорят даже, что будто бы в присутствии родителей дети «расслабляются и перестают бороться за жизнь». От реаниматологов я первый раз в жизни услышал, таким образом, что с мамой ребенку труднее выжить, чем без мамы.

Еще я слышал от реаниматологов, что во время реанимации одни органы мешают другим выживать. Бывает, например, нужно отключить человеку нервную систему, чтобы реакция организма на боль не привела пациента к смерти быстрее, чем сама болезнь. Прубо говоря, реанимация — это и есть отключение одних органов на то время, пока восстанавливаются другие. Однако же ни одному врачу не приходит в голову на время интенсивной терапии оставлять подключенные органы за дверью реанимационного отделения. И в этом смысле, мне кажется, важно понять: мать — такой же неотъемлемый орган ребенка, как сердце или печень. Во время интенсивной терапии этот орган требует особого внимания. Внимание, а не ампуляции.

Болезнь без гражданства

Девочке из Казахстана нужна помощь в России

У 12-летней Кристины Степаненко остеосаркома правой бедренной кости. Проще говоря, раковые клетки точат и уничтожают эту кость. Чтобы спасти ее, нужно сделать операцию и поставить вместо больной кости сделанный в Германии протез. Это очень дорого, но Кристине не к кому обратиться, даже к властям, потому что она не гражданка России. Мама привезла ее в Москву из Казахстана. А девочка просто не может ждать внимания очень нетерпеливых чиновников. Ей нельзя их ждать по жизненным показаниям.

В детской клинике московского онкоцентра имени Блохина все поддерживают друг друга как умеют или просто стараются друг другу улыбаться. Врачи улыбаются детям, родители — врачам. Нам с фотокорреспондентом улыбаются все, и мы делаем то же самое в ответ. Просто без этого страх не преодолеть, да и просто не выжить, и это все понятно. Кроме, может быть, самых маленьких.

Мы ждем с мамой Кристины у палаты — 12-летняя девочка за дверью наводит красоту в честь нашего прихода. Мама Надежда рассказывает, что они из Казахстана, из небольшого поселка Большие Дубравы Кустанайской области. О том, что никто в семье и предположить не мог, какой начнется кошмар с того дня, когда подвижная, активная, заводила по жизни Кристина привел домой и пожалуется на слабость, температуру и боль

в ноге. И когда выяснится, что она не ударилась и не простудилась, а что у нее рак. Рассказывает мама и о том, как получили они с дочерью направление в алма-атинский онкологический центр, а там сказали — только ампуляция.

Мама Надежда собирається расплакаться, но сдерживается: нас уже ждет Кристина. При дочери плакать нельзя.

Эта обязательная и улыбающаяся девочка в полную противоположность маме кажется абсолютно спокойной. У нее красивые глаза и улыбка, как будто огонек загорается. Она и досказывает эту историю о том, как ее мама Степаненко увидела по телевизору сюжет о московском онкологическом центре и тут же решила лететь туда. Кристина рассказывает, что они здесь уже с февраля и ей, с правдой на обстоятельстве, здесь даже нравится. Потому что полно красивых детей и можно рисовать сколько хочешь в свободное от процедур время (а Кристина хоть и ни разу не была на море, но рисует подводный мир, очень хочет поехать к морю). И даже вспоминая курсы химиотерапии, она только чуть морщится.

Я смотрю на нее и не верю. Потому что видел детей сразу после такого курса. И врагу бы не пожелал на их месте оказаться. А она только плечами пожимает: «Ну, тошнито иногда». И тут же сама меняет тему. Ведь надо же обсудить, куда податься после школы. Может, в Кустанай, поступать в пединститут, а

может — уж и сразу в Москву. Выучиться и самой стать учительницей. По какому предмету — пока неизвестно. Ну, разберемся еще, жизнь длинная.

И вот пока Кристина все это рассказывала, я вспоминал разговор с врачами. А они говорили, что девочка на момент приезда в Москву была в очень плохом состоянии. И ей понадобились очень мощные курсы химиотерапии, чтобы остановить раковые клетки. Теперь же нужна операция. Вместо поврежденной кости врачи готовы поставить Кристине пластиковый немецкий эндопротез. «У нас такие дети выдворяливают, получают полноценный социальный статус, детей рожают, директорами фирм и grand-даммами становятся», — говорили мне врачи.

Но все упирается в деньги, эндопротез очень дорого стоит — порядка 700 тыс. руб. Если бы Кристина была россиянка, можно было бы рассчитывать на квоты, чиновников и российский систему здравоохранения в целом. Но она не россиянка, она считается иностранкой и вынуждена платить абсолютно за все. За койко-место, за лекарства, за все.

Казахские же чиновники оказались очень нетерпеливыми людьми. Надежда Степаненко в отчаянии написала письмо президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву, и только после этого началось хоть какое-то шевеление. В частных беседах чиновники говорили: вы нам пишите, чем больше бумаг,

Если бы Кристина была россиянкой, можно было бы рассчитывать на квоты, чиновников и российскую систему здравоохранения в целом. Но она иностранка, и надо платить абсолютно за все

тем лучше. Но Кристине нельзя долго ждать, ей нужна операция. И ее семья к войне с этой бюрократической армией совсем не готова.

Мама Кристины — обычный офис-менеджер в местном развлекательном хозяйстве с заработной платой, эквивалентной 2 тыс. руб. в месяц. И если на первые обследования и курс химиотерапии скидывалась буквально весь родной поселок Большие Дубравы, то дорогостоящую операцию она явно не вытянет, даже если все жители Больших Дубрав отдадут последнее.

Сама же девочка об этом или не знает, или знает, но не хочет говорить вслух. Просто из гордости. Она вечно фотографирует, потом мы еще несколько минут обсуждаем Гарри Поттера, другие пустяки и расстаемся практически друзьями.

Два дня назад у Кристины начался новый курс химиотерапии. Вскоре после него врачи будут готовы сделать операцию. И девочка морально к ней тоже готова. Только обстоятельства пока сложились так, что не все зависит от нее и даже от врачей. Обстоятельства пока против Кристины.

Андрей Козенко

КАК ПОМОЧЬ ДЛ Я СПАСЕНИЯ КРИСТИНЫ СТЕПАНЕНКО НЕ ХВАТАЕТ 950 800 РУБ.

«Вот теперь прогноз лечения Кристины вполне благоприятный», — заявила нам заведующая отделением онкологии и гематологии Российского онкологического научного центра им. Н. Н. Блохина Надежда Иванова. Она рассказывает, что еще пару месяцев назад не решилась бы на такой прогноз: «Когда Кристину привезли, она была никакая. Абсолютно реальной тогда была угроза перелома кости и потеря ноги. Теперь эта угроза, надеюсь, позади».

Диагноз «Остеогенная саркома правой бедренной кости» Кристине поставили еще в Казахстане, где живет Степаненко. Там же ей провели и первый курс химиотерапии. Однако местные врачи сказали матери девочке Надежде, что при таком заболевании можно сохранить невозможное, хорошо бы сохранить жизнь. Тогда мать и повезла дочь в Москву. Они

лечатся у нас за свой счет, миңдзавр Казахстана государственной квоты на лечение не выделил.

Доктор Иванова говорит: «Мы сохраним девочку ногу. К сожалению, на родине Кристины нет аппаратуры для проведения высокодозной химиотерапии, а ничем иным сегодня это заболевание не лечится. Мы уже провели четыре курса химиотерапии с очевидным положительным эффектом. Теперь Кристине предстоит органосохраняющая операция с эндопротезированием коленного сустава. Затем в соответствии с протоколом лечения мы проведем девочке еще от четырех до шести курсов химиотерапии».

Эндопротез, лечение и пребывание в клинике обойдутся семье Степаненко в 1,2 млн руб. До сих пор Надежда платила сама, но теперь выдохлась, денег больше нет. «Мы жители сельской местности, там столько не заработаешь», — написала она в фонд.

Как всегда, постоянный партнер Российского фонда помощи инвестиционная группа «Капитал» внесет \$10 тыс. (подробности на сайте www.rusfond.ru). То есть не хватает еще 950 800 руб.

Дорогие друзья! Наша практика последних лет свидетельствует о том, что такая цена спасения, хотя и весьма солидная, реальна для вас. Еще не бывало, чтобы подобные сборы не удались. Однако тут случай особый. Кристина — девочка из другой страны. Поэтому мы обращаемся к вам с просьбой: не смущайтесь размером суммы спасения. Дорог буквально каждый рубль, любая помощь будет с благодарностью принята. Деньги можно перевести на московскую счетную Надежды Степаненко, мамы Кристины, или в клинику. Необходимые реквизиты есть в фонде.

Экспертная группа
Российского фонда помощи

Из свежей почты

Ваня Добряков, 3 года, детский церебральный паралич, атрофия зрительных нервов, спасет курсовое лечение. 150 400 руб. Внимание! Благотворительный фонд «Джойнт» внес 42 500 руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 107 900 руб.

У меня больше нет сил. Мы так ждали этого ребенка. Ваню я родила поздно, роды были тяжелыми. Вино себя, что не настояла на кесаревом сечении. Три часа голова малыша была зажата, черная гематома во весь лоб. С отеком мозга Ваня целый месяц находился на искусственной вентиляции легких, а это вызвало двустороннее воспаление легких. Из-за высокого внутричерепного давления плакал сутками. Были и судороги, но они прекратились после двух курсов в Институте медтехнологий (ИМТ). Там нам сняли отек мозга, снизили давление, и Ваня успокоился, стал лучше спать. Да и ножки окрепли, уже на колени может встать. Нам повезло: обзаврав перечислил 60 тыс. руб., предупредив, чтобы в будущем году мы на них не рассчитывали. Остальные деньги собирали где только можно. Лечение нельзя прерывать, надо оплатить хотя бы четыре курса, это лечение на год, но денег больше не достать. Мы с мужем работаем в одном парке, я вожу трамвай, а он автобус. Сейчас живем на одну его зарплату в 8–10 тыс. руб. и пенсию Вани. Помогите! Марина Добрякова, Тверская область

Невролог ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Очень важно не опоздать и пролечить Ваню до четырех лет. Потом активность клеток его мозга будет угасать. Мальчик поступил в тяжелом состоянии, но отклик на лечение есть, этим надо воспользоваться».

Катя Комарова, 12 лет, грудной прогрессирующий сколиоз 4-й степени, спасет срочная операция. 185 384 руб.

Внимание! Компания IСЕМ внесет 50 тыс. руб. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватает 135 384 руб.

У меня три дочери. Анна учится в Петербурге, Катя в седьмом классе. Ирришке три года. Катюша, как и Аня, хотела учиться на дизайнера, да теперь все забросила, замкнутой стала. В школе страшивают: «Что это у тебя на спине?» — а она плачет. Ни рюкзаком, ни волосами уже не скрывает горб. Он так быстро растет! Сколиозу Кати обнаружили в шесть лет. Я фельдшер и знаю, как коварна эта болезнь. Крутлый год водила дочь в бассейн и на массаж, потом на мануальную терапию, возила в санаторий, но процесс не остановить. В 2003 году отвезла Катю к профессору Михайловскому. Он уже тогда говорил об операции, но признавал, что до полового созревания надо пытаться консервативно сдерживать развитие болезни. У Кати теперь и сердце болит, аргументы. Суду нам не дают. Муж — водитель на автобазе (13 тыс. руб.), я зарабатываю 3,5 тыс. руб. Помогите нам. Елена Комарова, Кемеровская область

Заведующий отделением Новосибирского НИИТО Михаил Михайлович: «Без операции Катя погибнет, сердце и легкие не выдержат нагрузки. Спасение только в срочной операции. Крайняя деформация — 120 градусов. А девочке всего 12 лет».

Юля Шутова, 9 лет, тяжелые ожоги, рубцы и деформации лица, необходима пластическая операция. 60 тыс. руб.

Внимание! Общество помощи русским детям (США) внесло \$1,25 тыс. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 28 938 руб.

Одна воспитываю троих детей (у меня две дочки и сын). Я педагог, но хватало за любую работу, сейчас снабжен на железной дороге. Мои родители помогают смотреть за детьми. Несчастье произошло в августе 1999 года. Годовалая Юля пропала с улицы. Бабушка отнесла ее в летнюю кухню. Дед грел воду для стирки, и бензиновый примус взорвался. У дедушки сожжены правая рука и бок, у Юли ожог головы и туловища. Очень пострадали пальчики, фаланги левой руки ампутировали. Сторело правое ушко. Дочку вертолетом доставили в больницу для пересадки кожи. На лице и теле страшные рубцы. В Москве в клинике профессора Рогинского убрали рубец, идущий через нос, скорректировали вывернутую губу, наросшие перепонки между пальцами. Часть лечения оплатил обздрав, остальное я. Но больше денег нет. Юля все острее осознает свою неполноценность. Огромная просьба: помогите! Очень верю в вашу доброту. Анжелика Свицова, Салехит

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Юля перенесла около десятка операций, и лечение, консервативное и хирургическое, надо продолжать. Так шаг за шагом восстановим нормальный облик девочки».

Андрей Терещенко, 11 месяцев от роду, акушерский разрыв Дюшен-Эрба, руку спасет срочная операция. 196 тыс. руб.

Внимание! Собинбанк внес 50 тыс. руб. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватает 146 тыс. руб.

Андрейка родился большой, 5 кг, роды были тяжелые. Я сразу увидела, что его правая ручка висит. Врачи сказали, что через пару дней все восстановится. Но и через пару месяцев рука висела плетью. Массаж, физиотерапия, электростимуляция, лангета — все делаем, чтобы сохранить жизнеспособность неповрежденных нервов. А мальчик растет отчаянный: ползает целый день, часто падает, когда плечо вывернет и ручку подврет, и снова вперед. На днях доктор сказал, что обнадеежит нечем, надо скорей оперировать. Операция сложная и дорогостоящая, от нее зависит, останется Андрейка на всю жизнь инвалидом или будет нормально развиваться. Сына уже готовят к операции, а оплатить ее мы не в силах. Я студентка-заочница, работаю бухгалтером за 6 тыс. руб. Сразу после родов вышла на работу, иначе жить не на что. Муж сварщик (7 тыс. руб.). С ребенком сидит бабушка. Молю, помогите! Елена Терещенко, Ярославская область

Заместитель главного врача больницы имени Соловьева Юрий Филимендинов (Ярославль): «В несколько операций можно восстановить движение в предплечье, кисти и пальцах. Но начать надо немедленно. Иначе рука начнет сохнуть и уменьшаться».

Максим Соболев, 2 года, врожденный порок сердца, спасет операция на открытом сердце. 191 196 руб. Внимание! Компания «Транстелеком» внесла \$2,5 тыс. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 129 071 руб.

Так уж получилось, что я и моя мама сейчас в отпусках по уходу за детьми (мой братик старше моего сына на два года), а работает один папа — проводником на железной дороге за 7 тыс. руб. Все ютимся в однокомнатной квартире. Я была няней в детсаду, получаю с работы 50 руб. в месяц и пособие 160 руб. Отец моего ребенка нас не навещает, только его мать приносит кое-что из продуктов и детские вещи. А тут вдруг моего малыша надо срочно оперировать. В апреле к нам приехали томские врачи, осмотрели Максимку на своей аппаратуре и сказали, что дефект очень большой и откладывать операцию нельзя: скоро сыну станет совсем плохо. Когда он плачет или устает, лицо резко краснеет, а губы синеют. Я каждый раз так пугаюсь, что у самой сердце падает. Пожалуйста, не оставьте нас! Алена Велиева, Омская область

Ведущий специалист Томского НИИ кардиологии РАМН Сергей Иванов: «Сердце Максима увеличилось, идет сильный сброс крови в легкие. Дефект в мембранозной части перегородки, и операция на открытом сердце — единственный вариант спасения».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в «Б» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше \$18,34 млн. В 2007 году (на 25 октября) собрано 107 450 647 руб. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зырянская» (Кузбасс), 57 семьям створивших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Вологодске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат Национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252 г. Москва, а/я 50; www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru. Телефоны: 8-499-943-91-35, 8-499-158-69-04 с 10.00 до 21.00. Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».

Донор Сереже Чайкину гарантирован и оплачен

Вчера мы прекратили сбор пожертвований для годовалого Сережи Чайкина, потому что вся необходимая сумма (1 152 550 руб.) для спасения этого мальчика из Мурманска собрана. Мы рассказали историю мальчика в «Б» 12 октября («Часто задаваемые вопросы»), и вот хотя бы финансовая проблема теперь снята. У Сережи острый миелобластный лейкоз, избавиться от которого можно, лишь пересадив ребенку чужой здоровый костный мозг. Поиск донора в европейском банке

Ирина Чайкина попросила фонд передать благодарность и низкий поклон за скорую финансовую помощь

да ремиссия. Малышу к этому времени в Российской детской клинической больнице провели второй курс химиотерапии. По протоколу лечения ему предстоит еще и третий курс химиотерапии, но так как состояние мальчика врачи оценивают как неплохое, Чайкиным разрешили съездить

домой в Мурманск. 1 ноября Сережа с мамой Ириной вернутся в Москву.

Российский фонд помощи будет следить за развитием событий.

И вот еще новости. **Оплачены:** операция по поводу врожденного порока сердца Юле Черновой (2 года, 186 600 руб., Омская обл.), Ане Васильевой (12 лет, 186 600 руб.) и Кате Дроновой (7 лет, 185 384 руб.) из Алтайского края, Саше Каменскому (11 лет, 191 770 руб., Кемеровская обл.), Айхалу Гоголеву (1,5 года, 186 600 руб., Якутия); операция по поводу сколиоза Ире Голониной (17 лет, 185 384 руб., Алтайский край), Руслану Кучме (4 года, 59 200 руб., Новосибирская обл.), Насте Мюллер (17 лет, 189 584 руб., Читинская обл.); лечение детского церебрального паралича Игорю Егину (2 года, 150 400 руб., Татария), Маше Синицыной

(3 года, 150 400 руб., Самарская обл.), Вике Жванин (1 год, 150 400 руб., Москва); челюстно-лицевые операции Алеше Яковлеву (1 год, 95 тыс. руб., Краснодарский край), Илье Митрофанову (5 лет, 120 тыс. руб., Татария).

Отправлено: 196 тыс. руб. на микрохирургическую операцию Никите Прохорову (4 года, парез Эрба, паралич левой руки, Ярославская обл.), 190 тыс. руб. на биологический протез Илье Шуйкову (7 лет, инвалид, недоразвитие левого предплечья и кисти, Московская обл.), 99 771 руб. на пробный нейростимулятор Яне Шашуриной (16 лет, дисфункция мочевого пузыря, Ростовская обл.), 160 тыс. руб. на четыре курса химиотерапии Гоше Пак (3 года, злокачественная опухоль головного мозга, Узбекистан), 87 280 руб. на подьемник Сергею Кичакову (38 лет, инвазия 1-й группы, перелом позво-

ночника, Санкт-Петербург), 494 300 руб. на лечение болезни головного мозга Диме Шипшину (7 лет, Оренбургская обл.) и Равилу Сафарову (18 лет, Татария). **Помогли:** благотворительный фонд «Русский дар жизни», Общество помощи русским детям (оба — США), Виктория от руководителя, Андрей, Виктория, Александр (все — Санкт-Петербург), Власов Сергей Николаевич (Хабаровск), Александр и Ольга Алексеевна (Тула), ООО «Стройсервис НН» (Нижегородская обл.), ООО «НКФ Дельта-информ» (Самара), Аират (Казань), ОСАО «Ингосстрах», ЗАО АКБ «Русь-банк», ОАО «Собинбанк», ЗАО «Компания «Транстелеком»», благотворительный фонд «Джойнт», ЗАО ТПГ «Кунцево», компания «Сигилайн», Борис Николаевич, Елена от Александра, Юлия от Александра, Ленский Александр Владимирович,

Жанна от Лебедева Валерия Геннадьевича, Светлана от руководителя, Эдуард, Павел Павлович, Герман, две Светланы, две Натальи, Вячеслав, Марина, Илья, Панкрац А.И., два Николая, два Александра, Татьяна, Яков, Олег, два Сергея, Сергей Александрович, две Ирины, Владимир, Виталий, два Алексея, Иван, Ольга Викторовна, три Дмитрия, три Елены, Фарид, Олег и Алексей, Анна, Борис, Данил, Юлия, Ксения, Михаил, Мария, Григорий, annats@, Игорь, две Ларисы, две Анастасии, Юлия, Кира, Екатерина, Максим, две Александры, Михаил и Кирилл, Гульнара, wonderegg@, Евгения, интернет-волонтеры, Валентин Иванович, kisomama2@, Денис Евгеньевич, Ольга (все — Москва).

Спасибо! **Лев Амбиндер, руководитель Российского фонда помощи**